

— С тремя владыками пиков связаться так и не удалось, — продолжил прибывший.

Господин Сюй нахмурился, лицо его сделалось суровым.

— Даже если бы удалось, разве можно им теперь верить?

Три могучих горных пика не могли просто так испариться под носом у стражи, на глазах у сотен свидетелей. Это не три человека и не безделица, которую легко спрятать в рукаве. Даже демонические владыки с Тридцати Трех Демонических Небес не способны шутя затащить целые горы в свое темное царство.

Объяснение напрашивалось лишь одно, горькое и очевидное: среди хозяев пиков завелся предатель. Кто-то присягнул на верность Царству демонов и помог тайно начертать этот зловещий массив.

Собеседник господина Сюя, уловив ход его мыслей, угрюмо смолк.

Господин Сюй не стал развивать эту тему. Он мягко подтолкнул Цингу вперед и обратился к посланнику:

— В академии сейчас воцарился хаос. Будь добр, проводи её на Пик Изумрудного Заката.

Обычно своенравная и упрямая, сейчас девочка не проронила ни слова, безропотно подчиняясь уговорам.

— Когда вернешься, сразу активируй защитный барьер, — понизив голос, напутствовал её господин Сюй. — Сиди тихо и не высывай носа, пока я не приду.

Цингу послушно кивнула, заглядывая ему в лицо чистыми, ясными глазами:

— Хорошо. Но ты возвращайся поскорее. И про лекарство не забывай.

— Знаю, — тепло улыбнулся он.

Как только фигура в черном скрылась вместе с Цингу в лесной чаще, господин Сюй повернулся к спутнику.

— Мне нужно срочно найти главу академии и старейшин из Зала Размышления над Заповедями. Надо решить, как спасти учеников, запертых на исчезающих пиках. Демоны наступают с невиданной яростью, раньше они не дерзали на подобное. Боюсь... все это ради маленькой птицы Чанмин, что свила гнездо на Пике Зеленого Пришествия.

Он замолчал, устремив взгляд на четки из Неподвижного дерева на запястье Сэ Чанмина.

— Собрат по Дао, — произнес господин Сюй. — Божественная птица ни в коем случае не должна достаться Царству демонов.

Он намеренно употребил это уважительное обращение, признавая истинную силу собеседника.

У Сэ Чанмина имелись и другие способы скрыть свой уровень совершенствования, но Неподвижное дерево справлялось со своей задачей безупречно, да и в Поднебесной мало кто знал о его подлинных свойствах.

Он прекрасно понимал, к чему клонит господин Сюй. Даже если главной мишенью демонов был Шэн Лююй, в ловушке оказались сотни ни в чем не повинных учеников. Долг наставников — спасти детей.

А значит, вызволять маленькую птицу Чанмин придется кому-то другому.

— Мне еще нужна помощь этой птицы, — спокойно ответил Сэ Чанмин. — Так что уйти с демонами я ей не позволю.

Господин Сюй удивленно приподнял бровь и как-то странно усмехнулся:

— Подумать только... Не только смертные, но даже демоны жаждут исполнить свои заветные желания с помощью силы птицы Чанмин. Но ведь эта птица — лишь вестник богов. Разве под силу ей такое?

Сэ Чанмину показалось, что в этих словах скрывается глубокий подтекст, но расспрашивать подробнее времени не было. Каждая упущенная секунда приближала Пик Чжоу к окончательному провалу в Царство демонов.

— Впрочем, слишком уж изводить себя тревогой не стоит, — добавил на прощание господин Сюй. — Пусть наш маленький заносчивый немой и притворяется глухим слепцом, он все же божественный зверь. Какая-никакая защита у него найдется.

Сэ Чанмин лишь мысленно хмыкнул на это заявление.

«Защита, как же...»

Будь у этого недотепы хоть капля истинного могущества, разве попался бы он так глупо при краже духовных плодов? Разве позволил бы наложить на себя печать?

Возможно, та легендарная птица Чанмин, о которой грезит весь мир, действительно всесильна. Но Шэн Лююй — всего лишь птенец, едва освоивший простейшие иллюзии.

Лицо Сэ Чанмина помрачнело. Он скользнул пальцами по левому запястью, снимая две нити четок из Неподвижного дерева. Спрятать их в пространственное кольцо было нельзя — артефакт мгновенно выдал бы себя колебаниями пространства, поэтому он просто опустил их глубоко в широкий рукав. Направив поток духовной энергии к ногам, он легко оттолкнулся от упругой верхушки бамбука и стремительно полетел к Пик Чжоу.

До Пика Чжоу оставалось перелететь еще семь или восемь вершин. Беда грянула в самый разгар утренних занятий. Большинство наставников не отличались выдающимся уровнем совершенствования и при всем желании не могли удержать в узде испуганные классы. Впрочем, юные заклинатели трусостью не отличались. Преодолев первый шок, любопытные ученики толпами высыпали наружу, чтобы разузнать, что стряслось. Но при виде уходящих под землю исполинских гор даже у самых отчаянных храбрецов задрожали поджилки. Началась суматоха.

И все же Академия Лулинь не зря славилась как обитель лучших талантов молодого поколения Поднебесной. Как только схлынула первая волна паники, старшие ученики взяли дело в свои руки. Они принялись собирать растерянных первокурсников, выстраивая вокруг них живой щит и активируя защитные барьеры.

Кто-то выхватил гуцинь и ударил по струнам. Над ущельями разнеслась яростная, торжественная мелодия Песни Разрушения Массивов. Звуки музыки взмывали к самым облакам, возвращая растерявшимся воинам былую отвагу.

Спустя несколько мгновений Сэ Чанмин опустился на каменистый уступ соседнего отрога и окинул взглядом разверзнувшуюся внизу бездну.

Картина внизу заставляла содрогнуться. Похоже, Царство демонов бросило на этот ритуал немыслимые силы. Неведомый массив с ужасающей скоростью затягивал горы во тьму: склоны ниже подножия уже наполовину исчезли в багровом мареве. Черный туман и ядовитые демонические испарения плотным саваном окутали вершины. Прямо из пустоты, заслоняя небо, прорастали уродливые костяные шипы. Пик Поиска Кунь, Пик Чжоу и Пик Высшего Начала слились в одну сплошную мертвую зону, внутри которой невозможно было хоть что-то разглядеть.

Сэ Чанмин прищурился. Сорвав с ближайшей ветки плотный лист, он щелчком пальцев запустил его в черную взвесь. Лист не сгорел и не рассыпался прахом — его просто отшвырнуло прочь невидимой упругой преградой.

Обойдя по кругу границу трех пиков, он так и не обнаружил входа.

«Этого не может быть».

Любой массив, каким бы безупречным он ни казался, обязан иметь врата — брешь в защите, где сходятся жизнь и смерть, где переплетаются благословение и проклятие. Без этого фундаментального закона Дао ни один барьер не продержится и минуты. Даже величайший мастер на пике Стадии Переживания Бедствия не сумел бы создать абсолютно замкнутый контур.

Значит, лазейка скрыта там, куда никто в здравом уме не сунется.

Высмотрев подходящую опору, Сэ Чанмин скользнул вниз. Балансируя на самом кончике острого костяного шипа, он двинулся вперед — туда, где израненные склоны гор соприкасались с границей демонического мира. Черная пелена сомкнулась над его головой, поглотив его силуэт.

Здесь не осталось дорог. Путь к Пику Чжоу преграждал частокол из костяных игл. Они сочились смертоносным ядом и непрерывно источали удушливую гарь.

Вокруг царил непроглядный мрак. Полагаясь лишь на обострившиеся чувства, Сэ Чанмин добрался до конца костяной гряды и спрыгнул на твердую почву.

Словно почуяв появление чужака, земля под ногами с утробным гулом пошла трещинами. Хлынули потоки кипящей лавы, и в самом центре этого огненного хаоса медленно воспарило исполинское, сомкнутое веко.

Глаз неторопливо открылся. Черный туман мгновенно втянулся в него, точно пожранный неведомой бездной.

Взлетев повыше, Сэ Чанмин завис в воздухе прямо напротив гигантского ока.

Круглый, со звериным зрачком, этот глаз дышал первобытной угрозой. Сэ Чанмин привычным движением извлек из пространственного кольца свою тяжелую саблю.

Веко распахнулось до конца.

К удивлению заклинателя, радужка оказалась не привычного для демонов багрового цвета, а чистого, благородного золота, подернутого зловещей серой поволокой.

«Кто в Царстве демонов владеет золотым взором?»

В памяти Сэ Чанмина не всплыло ни одного подобного чудовища. Да и сам защитный барьер казался ему совершенно незнакомым.

Мгла почти рассеялась, и тусклое золотое яблоко вдруг конвульсивно дернулось. Внутри него

провернулся второй зрачок — антрацитово-черный.

Двойной зрачок. Тяньтун.

В отличие от мертвого золотого фона, этот второй зрачок лучился осознанной, ядовитой злобой. Сквозь него на мир взирало некое живое существо, чья воля сотворила этот барьер.

Едва скользнув взглядом по незваному гостю, гигантское око извергло поток черной жижи — сгущенный, сконденсированный туман. Там, где пролилась эта скверна, даже бушующая лава мгновенно чернела и превращалась в липкую грязь.

Сэ Чанмин вовремя отпрянул назад, укрывшись за теневой стороной костяного нароста, куда злобный взор не мог дотянуться.

Глаз методично заливал черной жижой все вокруг, пока не превратил ущелье в ровное плато беспросветной тьмы. Лишь закончив свою разрушительную работу, веко медленно опустилось, и исполинский орган растворился в воздухе. Вылитая скверна вновь обратилась плотным туманом, оставив после себя лишь выжженный пустырь.

Теперь Сэ Чанмин догадывался, с чем столкнулся.

Этот глаз служил живым замком на воротах барьера. Он безошибочно различал демоническую суть и человеческую природу.

Попытается войти человек — его плоть и дух растворятся без следа.

Попытается сбежать демон, принявший чужой облик, — его ждет та же участь.

Вход и выход охранялись с безупречной жестокостью.

Разница между праведным заклинателем и порождением бездны огромна — она глубже, чем пропасть между человеком и диким зверем. Даже лесной зверь, случайно обретя разум, способен взрастить в себе духовное начало, стать священным созданием и в конце концов вознестись в заоблачные выси. Но тот, кто однажды осквернил себя демонической верой или родился демоном, обречен до конца веков блуждать во тьме без надежды на искупление.

Сэ Чанмин, однако, являлся редким исключением из этого незыблемого правила.

В прошлой жизни он прошел тропой демонов. Возвращаясь в мир смертных ради мести и поисков своей потерянной птицы, он, дабы избежать ненужных расспросов, в совершенстве овладел искусством скрывать свою суть. Чтобы укротить клокочущую внутри темную силу, он плотно укутывал её внешним слоем чистой духовной энергии. Если он сам не желал

обнаружить себя, ни одна живая душа в Поднебесной не смогла бы разглядеть в нем демона.

Затянув на запястье четки из Неподвижного дерева, чтобы обуздать ауру праведного культиватора, Сэ Чанмин залез в пространственное кольцо и вытащил саблю Без Возврата.

Сабля Без Возврата — легендарное оружие демонов, унесшее бесчисленное множество жизней.

Окутанный едва заметным шлейфом первобытной тьмы, он беспрепятственно шагнул сквозь барьер на склоны Пика Чжоу.

На самом пике повсюду клубился ядовитый туман. Потеряв ориентиры в этой удушливой хмари, Сэ Чанмин мысленно восстановил карту усадьбы и направился на северо-запад.

Если память не изменяла ему, именно там располагалась тренировочная площадка.

Гора стремительно погружалась в Царство демонов. Сэ Чанмин отчетливо осязал, как снизу, цепляясь за каменистые кручи, бесконечным потоком карабкаются полчища тварей.

Три великих пика больше не принадлежали миру смертных. Они зависли в междумирье, склоняясь все ближе к Царству демонов, куда был закрыт вход для любого смертного.

Да и само Царство демонов оставалось загадкой Поднебесной — краем, которого номинально не существовало на картах. Его нельзя было найти ни на одном из четырех континентов, ни среди великих морей, ни под землей, ни над небесным сводом.

Это место походило на исполинскую, отрезанную от вселенной обитель, созданную чьей-то непостижимой волей. Даже величайшие мастера на пике Стадии Переживания Бедствия способны были высечь в ткани мироздания лишь крошечные карманные миры размером в десяток ли. Безграничное же Царство демонов превосходило любые человеческие возможности.

Сэ Чанмин не собирался тратить силы на мелких демонов — его вела сюда лишь забота о пленце. Сокрыв свое присутствие, он бесшумной тенью устремился вверх по склону.

Вымощенная синим сланцем тропа вела к тренировочной площадке, однако упиралась не в привычные каменные трибуны, а в густую, шуршащую листвою рощу платанов и диких втутов-утун — священных деревьев.

Сэ Чанмин замер в недоумении.

Сам он изучал искусство владения саблями на совершенно другой тренировочной площадке и

здесь никогда не бывал, вычисляя путь лишь по памяти. Однако даже ему эта внезапная роща показалась в высшей степени неуместной.

В Академии Лулинь почти не сажали деревьев утун.

Сказания гласят, что фениксы селятся лишь на ветвях утун. Фениксы давно стали мифом, но другие редкие птицы действительно обожали эти кроны.

Обычные же люди недолюбливали утун: весной и летом эти деревья роняли мириады едких пушинок, летевших в глаза и забивавших дыхание. Заклинатели, конечно, могли защититься щитом из духовной энергии, но ходить с вечным барьером на губах было слишком утомительно.

Зачем сажать столь капризный сад прямо у тренировочной площадки?

Маловероятно.

Сэ Чанмин нахмурился, вглядываясь в узор ветвей. Эти стволы казались ему смутно знакомыми.

«Ах вот оно что».

Память у него была отменной. Он мгновенно вспомнил, что точно такие же великаны утун окружали уединенный домик Шэн Лююя. Тогда это была искусная иллюзия, которую Сэ Чанмин при первой встрече даже не смог распознать — явное свидетельство того, что мастерство иллюзий у птенца граничило с совершенством.

Похоже, когда Пик Чжоу содрогнулся под ударом демонов, маленькая птица Чанмин укрыла всю тренировочную площадку под покровом иллюзорного леса. Случайный наблюдатель прошел бы мимо, не заподозрив обмана.

Прикрыв глаза, Сэ Чанмин мысленно воссоздал планировку типовых площадок академии — строители явно не утруждали себя разнообразием, возводя одинаковые залы на каждом пике.

Вернувшись на сланцевую дорожку, он отсчитал ровно сорок три шага вперед, затем повернул налево и отмерил еще одиннадцать. Сделав шаг в пустоту, он словно поднялся по невидимой лестнице из девяти ступеней и протянул руку, толкая пустоту.

Иллюзия поддалась. Пространство соткалось в тяжелые дубовые створки ворот, и, открыв их, Сэ Чанмин шагнул внутрь тренировочного зала.

Ворота за его спиной обрели осязаемую плоть и с глухим стуком захлопнулись.

На полу зала безжизненными телами лежали несколько десятков человек. Сверху на куче тел покоился наставник по игре на гуцине.

Демоны не проливали здесь кровь — учеников сразил ядовитый туман.

Заклинатели ниже Стадии Слияния не способны были долго противостоять концентрированной демонической скверне. Большинство же присутствующих едва достигли Стадии Золотого Ядра или вовсе находились на уровне заложения основ, так что они лишились чувств в первые же секунды, когда барьер соединил пик с Царством демонов.

Не зная, скрывается ли среди них Шэн Лююй, Сэ Чанмин принялся методично переворачивать лежащих без сознания подростков.

Все они были первогодками с крошечным запасом духовных сил, а потому спали беспробудным сном, мало чем отличаясь от мертвецов.

Сначала Сэ Чанмин осмотрел тех, кто лежал поодаль, в углах — ведь заносчивый Шэн Лююй никогда бы не опустился до того, чтобы валяться в общей куче. Однако птицы среди них не оказалось. Пришлось возвращаться к завалу из тел в центре зала.

Там творился суший хаос: руки, ноги, переплетенные одежды, кто-то уткнулся лицом в чужую грудь, кто-то закинул ногу на соседа.

Вдруг слух Сэ Чанмина уловил, что один из «трупов» дышит чуть более прерывисто и часто, нежели остальные.

Подцепив лежащую на оружейной стойке тренировочную саблю, он упер её кончик в плечо подозрительного ученика и с силой перевернул его на спину.

Дыхание незнакомца участилось, но он упорно продолжал притворяться спящим.

Разглядев лицо симулянта, Сэ Чанмин иронично изогнул бровь. Надо же, старый знакомый.

Цун Юань проклинал свою горькую долю.

Извечно дрожа за свою шкуру и боясь, как бы наружу не вырвалась его демоническая кровь, парень наотрез отказался от изучения боевых искусств и подался в класс игры на гуцине — якобы ради воспитания душевного покоя. Как разить врагов звуками струн, он так и не понял, зато выучил пару заунывных мотивов. Когда он с гордостью написал об этом отцу, старый даос разразился в ответном письме отборной бранью, обозвав сына бездельником и ничтожеством.

Цун Юань и сам бы рад был взяться за что-то посерьезнее, но проклятое происхождение

связывало его по рукам и ногам.

Сегодня он рассчитывал в очередной раз отсидеться на задних рядах, но не прошло и четверти часа от начала урока, как мир перевернулся. Земля заходила ходуном, а следом в зал ворвалась удушливая темная гарь. Ученики повалились один за другим. Будучи полудемоном, Цун Юань обладал врожденной устойчивостью к скверне, так что яд его не взял, но поделаться с надвигающейся катастрофой он ничего не мог. Ему оставалось лишь повалиться на пол вместе со всеми и зажмурить глаза.

Но стоило неведомому спасителю перевернуть его, как шею обожгло ледяным холодом стали, а ноздри уловили тонкий, едва заметный аромат демонической энергии. Притворяться дальше было бессмысленно. Сорвавшись на истошный визг, он запричитал:

— Пощадите, господин герой! Я тайный лазутчик от владыки Четырнадцатого Демонического Неба! Смилуйтесь над сиротой! Мой отец — великий даосский мастер, у него горы сокровищ припрятаны в лесной глуши! Клянусь, я напишу ему, и он отдаст вам всё, что пожелаете! Только не губите, дайте мне исполнить сыновний долг и похоронить старика!

Над его головой повисло тяжелое молчание. Наконец ледяной голос приказал:

— Глаза открой.

Цун Юань робко приоткрыл одно веко, готовый в любую секунду получить смертельный удар, но вместо жуткого палача увидел своего соседа по комнате. Тот взирал на него с едва скрываемой насмешкой.

— Надо же, какой преданный сын, — сухо обронил Сэ Чанмин.

— Сэ... Сэ-сюн? — заикаясь, пролепетал полудемон. — Так ты... тоже лазутчик из Царства демонов?

Не желая тратить драгоценное время на пустую болтовню, Сэ Чанмин сразу перешел к сути:

— Ты полудемон, а значит, ядовитый туман на тебя не подействовал. Говори, что здесь стряслось? Куда делся Шэн Лююй?

— Я... я правда не знаю, — заюлил парень, уводя взгляд в сторону.

— Не бойся, я не из Царства демонов, — спокойно произнес Сэ Чанмин. — Будь я демоном, разве стал бы возиться, расспрашивая тебя? Перерезал бы всем глотки, пока вы дрыхнете, да и дело с концом.

— Правда? — с надеждой прошептал тот.

— Конечно, нет, — усмехнулся Сэ Чанмин, и его взгляд мгновенно заледенел. — Сейчас я просто выжгу твою память и сам все узнаю.

Несчастный едва не лишился чувств от ужаса. До него наконец дошло, что с силой соседа спорить бесполезно: если бы тот действительно желал зла, то давно бы раскроил ему череп без лишних слов.

Запинаясь на каждом слове, Цун Юань выложил все, что успел заметить.

Когда ворвался удушливый туман, наставник и ученики почти сразу рухнули без чувств. Лишь Шэн Лююй устоял. Он поднялся, сотворил какое-то заклинание и быстро выскользнул за дверь. Спустя пару минут Цун Юань попытался последовать за ним, но ворота оказались закрыты намертво. Поняв, что молодой господин Шэн оставил после себя мощную защитную печать, которую ему ни за что не взломать, полудемон рассудил, что безопаснее всего будет вернуться в кучу тел и притвориться мертвым.

— Ты просто слишком слаб, — подытожил Сэ Чанмин. — Ты даже не понял, что наткнулся на барьер иллюзий, а не на закрытый замок. Вот и не смог выйти.

Парень ничуть не обиделся на столь нелестную оценку своих способностей. Он лишь с любопытством уставился на собеседника:

— Сэ-сюн, а что вообще творится снаружи?

Сэ Чанмину до боли стиснуло виски от досады. Маленькая птица Чанмин явно почуяла беду, но вместо того чтобы затаиться, бросилась в самое пекло. Будь у неё хоть капля трусливой рассудительности этого полудемона, хлопот бы поубавилось.

— Демоны пытаются утащить три пика академии в свое царство, — коротко бросил он.

— Чего?! — вытаращил глаза парень. — Утащить горы? Как это вообще возможно?

Сэ Чанмин поднялся на ноги и бросил собеседнику несколько огранных камней духовного нефрита.

— Это значит, что Пик Чжоу уже наполовину поглощен Царством демонов. Впрочем, тебе-то что переживать? Твоя демоническая кровь позволит выжить на той стороне. Разве что об отце придется забыть — сыновний долг ты уже не исполнишь.

— Да ну вас! — жалобно заскулил Цун Юань. — Не хочу я в Царство демонов! Там же тоска

смертная, ни травинки, ни деревца, одни голые скалы!

Сэ Чанмин велел ему разложить нефрит по углам зала. Сам он быстро очертил контур и высыпал в центр горсть духовных камней, соорудив простейший очищающий массив. Скверна бездны была опасна для молодых практиков: ее долгое вдыхание оставляло неизлечимые раны на меридианах, которые из-за разницы природной энергии человека и демона заживали десятилетиями.

— Заклинание Шэн Лююя все еще скрывает тренировочную площадку от внешнего мира, — напутствовал Сэ Чанмин, направляясь к выходу. — Сиди здесь, стереги остальных и жди, пока наставники прорвут осаду.

— А ты? — растерянно спросил полудемон. — Ты уходишь?

Сэ Чанмин даже не обернулся.

— Мне нужно найти мою птицу, — тихо обронил он.

Отыскать маленькую птицу среди бескрайних хребтов и в мирное время было задачей не из легких. Теперь же, когда гору заполнили ядовитые испарения, костяные заросли и рыщущие демоны, это казалось почти невозможным.

Сэ Чанмин понимал, что слепые поиски ни к чему не приведут. К счастью, в его пространственном кольце хранился запас старых поисковых массивов — тех самых, что он когда-то создал для поимки своего упрямого птенца Сэ Сяоци. Это были простые плетения, реагирующие на малейшие всплески чистой духовной энергии.

Благодаря демоническому барьеру некогда собиравший духовную силу Пик Чжоу теперь был под завязку залит темной скверной. На фоне этой беспросветной мглы божественная природа Шэн Лююя должна была сиять подобно яркому фонарю в безлунную ночь.

Сэ Чанмин выпустил веером несколько десятков следящих талисманов. Пять из них мгновенно отозвались вспышками.

Привязав к каждому камню нефрита каплю своего божественного сознания для мгновенного перемещения, он начал проверку. Первые четыре отклика принадлежали напуганным духовным зверям, запертым в вольерах. Оставался лишь последний.

Сэ Чанмин активировал руну перемещения и растворился в воздухе, соткавшись у пятого ориентира.

Еще до того, как его зрение приспособилось к полумраку, Сэ Чанмин услышал жуткий скрежет — словно тяжелый камень с трудом тащили по каменистой земле.

Он резко повернул голову на звук.

Перед ним расстился неестественно ровный, пустой пятак земли. В Академии Лулинь не бывало таких голых, мертвых зон — это место до жути походило на выжженный черной жижей пустырь, который он видел у врат барьера. Здесь тоже клубился глухой, непроницаемый туман.

Сквозь белесую завесу проступали очертания тридцати длинных тонких фигур.

Почувств чужое присутствие, существа среагировали одновременно. Безжизненные, лишённые костей тела резко крутанулись, их головы провернулись на пол-оборота назад, уставившись мертвыми лицами прямо на Сэ Чанмина.

Из темноты на него воззрились багровые глаза, тлеющие тусклым, запекшимся светом.

Однако нападать они не стали. Словно повинаясь безмолвной команде, они столь же синхронно отвернулись обратно.

В ту же секунду из глубины тумана донеслось монотонное бормотание. Звуки были чуждыми человеческой речи — рваные, свистящие слоги сплетались в древнее демоническое заклятие.

Подчиняясь ритму зловещей молитвы, безликие марионетки рассредоточились, образовав кольцо вокруг какого-то исполинского предмета.

Сэ Чанмин вскинул руку, посылая вперед сгусток духовного пламени. Яркая вспышка на мгновение разогнала могильный мрак, обнажив скрытое в тумане уродство.

Марионетки плотным кольцом сжимали исполинский каменный саркофаг.

Эта гробница, способная вместить добрый десяток тел, была вытесана из темной, холодной, точно сталь, породы. Её бока покрывала вязь зловещих рун, сочащихся первобытной ненавистью.

Из едва приоткрытой щели под тяжелой каменной крышкой бессильно свешивалась тонкая, бледная ладонь. Пальцы отчаянно цеплялись за край, побелев от нечеловеческого напряжения.

Сэ Чанмин узнал бы эти пальцы из тысячи.

Совсем недавно эта самая рука бережно принимала из его ладони духовные камни, пока её хозяин внимал его речам, и она же робко сжимала край его одежд, когда они поднимались к вершине Пика Зеленого Пришествия.

На крышке гроба, свиваясь в тугие узлы, покоились девять угольно-черных драконьих костей, скрепленных багровой печатью крови. Каждую кость удерживали на натянутых жилах трое слуг-марионеток. Медленно, дюйм за дюймом, они затягивали путы, с натужным скрежетом смыкая крышку саркофага.

В Поднебесной не осталось живых драконов или фениксов — они давно превратились в легенды. Однако заклинатели знали, что драконьей костью именуют нечто вполне осязаемое. Так называли позвоночные столбы древнейших священных зверей, проживших более тысячи лет. Эти кости хранили в себе остатки некогда великих душ и их нерушимую волю.

Потому они служили непревзойденным средством для запечатывания. Девять драконьих костей, скрепленных ритуальным наговором на крови, создавали абсолютную темницу. Пока заклятие действовало, саркофаг нельзя было разрушить, даже если бы рухнули небеса. Открыть его мог лишь тот, чья кровь оставила след внутри печати.

Собрать столько реликвий и пробудить древние руны было под силу лишь одному созданию — старому чудовищу с Первого Демонического Неба.

Сэ Чанмин рванул рукав, сдергивая с запястья две нити четок из Неподвижного дерева. Они с сухим стуком упали в грязь. Сдерживаемая годами духовная мощь вырвалась наружу ревущим потоком, вступая в яростное противоборство с демонической мглой.

Он не смел снять последние четки: это карманное измерение, рожденное на стыке двух миров, было слишком хрупким. Вспыхни его сила в полную мощь, конфликт духовной и демонической энергий мгновенно разорвал бы пространство в клочья, похоронив под обломками всё живое.

Но двух освобожденных нитей хватило с лихвой.

Сделав стремительный выпад, Сэ Чанмин неуловимым для глаза движением обнажил тяжелый клинок. Кожаные ножны со свистом рухнули на землю.

В то же мгновение головы двух ближайших марионеток покатались по камням, а багровые угли в их глазницах навсегда погасли.

Эти твари действительно не знали ни боли, ни страха. Безголовые тела продолжали судорожно сжимать костяные цепи, пока подкошенные ноги не подогнулись, заставив освобожденную кость соскользнуть с крышки гроба.

Извивающийся на саркофаге безликий черный силуэт разразился истошным визгом. Он выплюнул короткое, шипящее проклятие — и обезглавленные трупы мгновенно иссохли, рассыпавшись прахом, а из их злобещих теней соткались точно такие же безмозглые слуги, вновь вцепившиеся в ритуальные путы.

Сэ Чанмин оттолкнулся от земли и взмыл вверх, приземлившись прямо на край каменного гроба.

Бесплотная тень заверещала от ярости, выкрикивая новую формулу. Две марионетки взмыли в воздух, заноса над головой изогнутые костяные мечи.

Даже не взглянув на нападающих, Сэ Чанмин уловил их движение по свисту рассекаемого воздуха. Быстро сотворив защитную мудру левой рукой, он перехватил тяжелую саблю, блокируя первый выпад. Клинок противника соскользнул, лишь слегка задев его щеку — по коже поползла тонкая царапина, из которой выступила капля необычной, отливающей золотом крови.

Второе костяное лезвие уже несло к его горлу.

Но Сэ Чанмину было плевать.

Сконцентрировав колоссальную духовную силу в левом кулаке, он обрушил сокрушительный удар на одну из драконьих костей.

Раздался оглушительный треск — древний артефакт разлетелся на куски. Багровая печать на саркофаге пошла глубокими трещинами.

Бросив бесполезную теперь защиту, Сэ Чанмин уклонился от свистящего у самого горла лезвия, перехватил бессильно свисающее тонкое запястье и одним мощным рывком выдернул пленника из разверзнувшейся пасти гроба.

Этот маленький заморыш оказался пушисто-легким. Сжав его в охапку, Сэ Чанмин легко спрыгнул с саркофага на землю — лишний вес ничуть не сковывал его движений. Тыльной стороной ладони он стер со щеки каплю золотой крови и резким жестом швырнул её в бесплотную тень кукловода.

Малого количества божественной крови хватило лишь на крошечный всполох чистого золотого пламени, но этого оказалось достаточно: древнее проклятие мгновенно обратило тень в пепел.

Все затихло. Лишенные магической поддержки драконьи кости с тяжелым стуком повалились на каменные плиты.

Чувствуя, как тонкие руки отчаянно цепляются за его плечи, Сэ Чанмин склонился к самому уху спасенного и не без ехидства спросил:

— Оказывается, ты тоже умеешь бояться? Будешь еще без спросу сбегать?

Юноша в его руках безмолвствовал.

Желая посильнее уязвить его гордость, Сэ Чанмин продолжил:

— Что, язык от страха проглотил?

Но тут же укорил себя за излишнюю строгость. Перед ним был всего лишь неразумный птенец, который едва не оказался заживо погребенным в костяном гробу без единого шанса на спасение. Должно быть, бедняжка был на грани безумия от пережитого ужаса.

Помня, как следует умирять испуганных птиц, он мягко провел ладонью по его затылку, приглаживая шелковистые волосы:

— Тихо-тихо... Все позади. Сейчас я вытащу тебя отсюда.

Однако юный господин по-прежнему не издавал ни звука, замерев безвольной куклой.

«Неужели и впрямь рассудок потерял от страха?»

Сэ Чанмин отстранил его, чтобы заглянуть в лицо, и наткнулся на абсолютно пустой, бессмысленный взгляд.

Его едва не разобрал смех от собственной глупости.

Разомкнув объятия, он бесцеремонно оглядел парня с ног до головы, после чего аккуратно приподнял пальцем его точеный подбородок.

— Попался, маленький негодник. И из какой же своей перьевой пазухи ты выдернул этого двойника?

Этот хитрый птенец всегда умел выходить сухим из воды. Даже ворую духовные плоды в саду, он ухитрился изменить облик, а уж отправляясь в логово врага, и вовсе не пожалел драгоценного пера, чтобы сотворить приманку для отвлечения внимания.

Жаль только, что в этого клона он вложил лишь крошечную крупицу своей души. Фальшивка не умела говорить и лишь бездумно взидала на Сэ Чанмина.

— Где твоё настоящее тело? — спросил он.

Призрачный юноша лишь склонил голову набок. Его силуэт начал медленно таять в воздухе.

На сей раз Сэ Чанмин не стал изводить его вопросами — в пере угасали последние крохи духовной силы Шэн Лююя, и поддерживать иллюзию дольше оно просто не могло.

Перед тем как окончательно раствориться, двойник повернул голову, устремив туманный взгляд к самой вершине горы. Спустя мгновение образ растаял без следа.

Сэ Чанмин поймал ладонью плавно опускающееся на землю длинное изумрудное перо.

«Странно».

Если Пик Чжоу проваливался в бездну, лава должна была подниматься снизу вверх, пожирая склоны. Но багровые потоки и душливый чад изливались откуда-то с самой макушки горы.

Спрятав перо в рукав и вернув саблю в ножны, Сэ Чанмин поспешил к вершине.

Перед уходом он бросил в разбитый саркофаг камень духовного нефрита — простой маяк, который должен был предупредить его, когда пещеру окончательно затопит лава.

Если чутье его не обманывало, скорость погружения горы в бездну заметно замедлилась по сравнению с тем моментом, когда он только переступил барьер.

Чем выше он поднимался, тем чище становился воздух. На подступах к вершине ядовитый туман рассеялся совсем, уступив место ревущему пламени и кипящим потокам лавы, стремящимся выжечь все живое.

Макушку горы защищал плотный частокол из исполинских костяных наростов. Сэ Чанмин остановился на мгновение и методичными ударами сабли расчистил себе путь.

Кругом царило жуткое, неестественное безмолвие, нарушаемое лишь сухим хрустом костяных обломков под его сапогами.

Сквозь стену бушующего огня он наконец разглядел вершину.

Вернее, того, что когда-то ею именовалось.

Пик Чжоу никогда не использовался под жилые нужды учеников и всегда славился своей острой, неприступной вершиной. Теперь же её верхушка была словно срезана гигантским мечом. На образовавшемся плоском плато бурлил глубокий кратер, до краев наполненный жидким пламенем. Раскаленная жижа переливалась через край, устремляясь вниз по склонам и застывая уродливыми ядовитыми шипами.

Окружив себя защитным плетением, Сэ Чанмин безбоязненно шагнул сквозь стену бушующего огня.

В самом центре кипящего кратера возвышался одинокий базальтовый утес. На нем, не шевелясь, стоял человек.

Даже со спины Сэ Чанмин безошибочно узнал этот хрупкий силуэт.

Шэн Лююй.

Окружавшее его пламя, вопреки законам природы, лишилось своего первозданного золотого сияния, одевшись в тусклые, пепельно-серые тона Царства демонов. Скверна бездны искажала саму суть стихии.

Сделав еще несколько шагов вверх по склону, Сэ Чанмин смог разглядеть детали.

Юноша стоял прямо, сжимая в руках великолепный серебристо-белый лук в половину человеческого роста. По всей длине оружия тянулась вязь Заклинания изгнания демонов девяти путей, сходящихся в один, выведенная свежей киноварью, которая алела подобно струящейся крови.

Этот артефакт звался Луком Зеленого Оседания Горы — Цуйчэньшань. Предания гласили, что некогда Истинный человек Цуйчэнь, ослепленный горем после гибели своего спутника от рук демонов, вырезал это оружие из собственного хребта. После его ухода реликвия перешла к его ученикам.

В прошлой жизни Сэ Чанмину не раз доводилось сталкиваться с мощью этого оружия во время бесконечных погонь, но убить его лук так и не смог. К тому же в его памяти Лук Зеленого Оседания Горы никогда не нес на себе этих кровавых рунических знаков.

Шэн Лююй медленно наклонился и подобрал лежащее у его ног длинное изумрудное перо — точно такое же, как то, что сейчас покоилось в рукаве Сэ Чанмина.

Замысел птенца стал очевиден. Срезанная вершина и бурлящее озеро лавы служили сердцем вражеского массива — его главным ядра-ориентиром.

Божественная птица Чанмин по самой своей природе являлась заклятым врагом скверны. Использовать иллюзорную копию великого Лука Зеленого Оседания Горы в качестве оружия, собственное перо — вместо стрелы, а священную кровь — как разрушительное заклятие.

Маленький глупец вознамерился принести себя в жертву, чтобы сокрушить демоническое плетение.

Скорость погружения Пика Чжоу замедлилась лишь потому, что Шэн Лююй уже успел уничтожить ядро на соседнем Пике Поиска Кунь.

Сэ Чанмин рванулся вперед, но невидимый барьер отбросил его назад.

Это был простейший защитный контур, который под силу сотворить даже такому профану в артефакторике, как этот птенец. Требовалось лишь окропить землю кровью из безымянного пальца, замкнув печать на биение собственного сердца. До тех пор пока заклинатель жив, барьер будет стоять насмерть, подпитываемый всей его духовной силой.

Заклинатели Поднебесной избегали этого ритуала: он грозил полным истощением меридианов и тяжелыми травмами духа, требующими десятилетий лечения. Хуже того, если барьер пробивали извне, заклинатель мгновенно погибал на месте.

Сэ Чанмин оказался бессилён преодолеть эту преграду без риска погубить юношу.

На его глазах Шэн Лююй медленно поднял руку. Широкий шелковый рукав соскользнул к локтю, обнажая фарфорово-белое предплечье. С пугающей решимостью он вонзил острый очин пера прямо в синеющую под тонкой кожей вену. Тонкие брови страдальчески сошлись на переносице, губы побелели от боли.

Этот неженка всегда панически боялся малейшей боли. Когда Сэ Чанмин слегка ущипнул его за щеку во время кражи плодов, Шэн Лююй смолчал из гордости, но потом несколько дней кряду всячески намекал на необходимость извинений.

Наполнив стержень пера священной кровью, юноша решительно выдернул его из вены, уложил на тетиву и начал медленно натягивать лук.

Каждая мышца от его тонкой шеи до изящного изгиба спины натянулась струной. Он казался хрупкой хрустальной статуэткой на грани саморазрушения — одно неверное движение, и эта тонкая нить жизни лопнет навсегда.

Сэ Чанмин впервые увидел его глаза распахнутыми. В отличие от тусклого пламени Царства демонов, радужка Шэн Лююя полыхала чистейшим, ослепительным золотисто-алым огнем. Густые ресницы подрагивали, бросая мягкие тени на бледные скулы, придавая его лицу трогательную, беззащитную прелесть.

Его огненный взгляд легко пронзил клубы удушливой хмари, устремившись к вершине последнего устоявшего Пика Высшего Начала.

Пальцы разомкнулись.

Хрустальный звон лопнувшей тетивы эхом раскатился над ущельями. Кровавое перо, обьятое

нестерпимым сиянием, со свистом устремилось вдаль, оставляя в небе ослепительный огненный росчерк. Спустя мгновение над соседней вершиной разверзся громовой удар, который тут же сменился глухим, протяжным гулом разрушения.

Последнее ядро массива разлетелось в прах.

Сэ Чанмин наконец осознал истинный смысл слов господина Сюя.

Этот капризный немой птенец, этот вечно недомогающий калека действительно был божественной птицей Поднебесной.

У ног Шэн Лююя оставалось последнее перо для завершающего выстрела, но силы окончательно оставили его. Пальцы безвольно разжались, серебряный лук выскользнул из рук и растаял в воздухе, так и не коснувшись бурлящей лавы.

В ту же секунду защитный барьер рухнул. Сэ Чанмин в один прыжок преодолел расстояние и подхватил падающее тело юноши.

Маленькая птица Чанмин оказалась невесомой — не тяжелее того иллюзорного перышка. В руках Сэ Чанмина покоился лишь неокрепший, едва научившийся летать птенец.

Он взгляделся в его лицо.

Шэн Лююй лежал с закрытыми глазами, его щеки осунулись, а бледные губы были скорбно сжаты. В этом уязвимом облике читалось такое кроткое, незащитное изящество, что в груди Сэ Чанмина невольно шевельнулось странное чувство.

«Я не смог уберечь этого кроху».

Хотя, если рассудить здраво, их уговор не обязывал его становиться телохранителем.

Отгнав эти глупые мысли, Сэ Чанмин резко вскинул голову. Неподалеку, на раскаленном обломке базальта, сидел угольно-черный кот. Его шерсть лоснилась чистотой, без единого светлого пятнышка.

Зверь сидел, склонив голову набок, и внимательно разглядывал незваного гостя.

Его глаза поражали гетерохромией: один горел чистым золотом, другой отливал бездонной чернотой — точь-в-точь как те зловещие двойные зрачки у врат барьера.

Крепче прижав к себе бесчувственного юношу, Сэ Чанмин бесшумно положил ладонь на

рукоять сабли.

— Твоих рук дело? — негромко спросил он.

Кот не удостоил его ответом. Лишь лениво качнул пушистым хвостом, грациозно развернулся и без малейших колебаний прыгнул прямо в бурлящий кратер с лавой, растворившись в огненной пучине.

Три великих пика окончательно замерли, прекратив свое падение в Царство демонов.

Не тратя больше времени на развалины Пика Чжоу, Сэ Чанмин бережно укрыл юношу пологом своих широких рукавов и поспешил обратно во Двор Ясной Луны.

Раз уж демоны решились на столь дерзкое нападение, они могли оставить засаду во Дворе Разреженного Ветра, так что оставаться там было небезопасно. Сэ Чанмин решил забрать птенца к себе.

Лишь уложив Шэн Лююя на свою постель и бережно укутав его мягким одеялом, он наконец смог перевести дух.

Но стоило ему присесть на край кровати, как в голову закралась тревожная мысль.

«Сначала я подкармливал его плодами, затем обязался подтянуть по учебе, а теперь еще и жизнь ему спасаю... Похоже, я незаметно для себя заделался его временным хозяином».

От этой догадки Сэ Чанмину стало не по себе.

Одно дело быть одиноким заклинателем, и совсем другое — нести ответственность за птицу.

Дома его ждал Сэ Сяоци — ревнивый, капризный и невероятно вздорный маленький мучитель по прозвищу Сяо Тумао. Этот паршивец даже подаренную ему когда-то говорящую птицу затерроризировал так, что та заикалась от страха. Узнай Сяоци, что его законный хозяин пригрел чужого птенца — пусть даже временно, — он устроит такой бунт, что небеса содрогнутся. Это нанесет непоправимую травму его нежной детской душе.

Как ответственный хозяин, Сэ Чанмин обязан был учитывать подобные тонкости.

А значит, впредь ему следовало держаться с юным господином Шэном подчеркнуто холодно, не допуская лишнего сближения. В конце концов, их связывала всего лишь обоюдовыгодная сделка.

<http://bllate.org/book/18249/1750601>